

А. М. ТЕРНЕ

В царстве Ленина

<Фрагмент>

<...>

Не менее честолюбив и жаждет популярности Л. Троцкий-Бронштейн. Последний со всем темпераментом нации, к которой он принадлежит, кипуч, трудолюбив, мелочно самолюбив и вынослив. Ему хочется быть на первых ролях. Мечтал он об этом еще во время эмигрантской жизни в Швейцарии. Стремление к эффектным жестам, к параду, всегда соответствовало его наклонностям, и потому он был вполне на месте во время войны. Прекрасно учитывая положительные стороны своего сотоварища, Ленин дал ему *carte blanche* в военных делах. Результаты Гражданской войны на всех фронтах являются несомненным следствием организаторского таланта Троцкого и его умения подыскать себе выдающихся и преданных сотрудников. Пока Троцкий был на войне и занимался разработкой планов кампании и их осуществлением, а также руководил перевозками — никаких поводов для трения между двумя главными деятелями коммунистической партии не было.

Начало трений относится именно к моменту окончания Гражданской войны. С прекращением ее Троцкий сразу оказался как бы не у дел. Пытался сунуться во внутреннюю политику (спору роли профессиональных союзов в начале 1921 года) — ничего кроме конфуза для него не вышло. Пытался пристроиться к внешней политике, но Ленин заблаговременно прибрал это ведомство к своим рукам, посадив туда своих верных клеветов, и Троцкий скоро убедился, что здесь без прямой борьбы с Лениным ничего не выйдет. С горя Троцкий укатил в длительную поездку по России, во время которой со своими присными придумал дальнейший

план действий. Было очевидно, что Ленин приобрел всю полноту власти на гражданском фронте, пока Троцкий работал на военном; следовательно, оставалось лишь валить его прямой борьбой, а это было бы опасной игрой, потому что от такой борьбы случайно могли бы оказаться в выигрыше третьи, совершенно посторонние лица и таким образом власть оказалась бы выпущенной из рук правящей клики.

Не решаясь пускаться на подобную авантюру, Троцкий пришел к выводу возвратиться к прежней деятельности — военной, предполагая прикрепить окончательно армию к своей особе, чтобы таким путем, опираясь на нее, может быть со временем повторить опыт Наполеона I. Диктатура, и притом единоличная, увлекает Троцкого, который сознает свои крупные индивидуальные силы и задыхается, находясь в тени.

Возвратившись из поездки, Троцкий развивает энергичную деятельность. Начинается бряцание оружием. Газеты полны алармистских слухов. Троцкий устраивает парады, совещается с высшими чинами военного комиссариата, которые сами тоскуют без активной работы, постепенно проедаая заработанные во время Гражданской войны огромные средства. Затеваются чуть ли не поход на Индию.

Клеврет Троцкого тов. Сталин находится на границе Афганистана, откуда шлет известия о подготовке совместного с Афганистаном похода на Индию¹. Остается только собрать материалы о слабости врагов и о выгоде нападения на них. Подготовив данные о внутренних противоречиях политических интересов Антанты и о необходимости использования этого момента для успешного наступления на нее, Троцкий выступает с соответствующим докладом в пленуме и в специальной комиссии 3 съезда Коминтерна. Однако упомянутая уже более тонкая политика Ленина срывает на этот раз намерения Троцкого, которому приходится отказаться от выполнения своего первоначального плана.

Очевидно, что этот провал Троцкого, которым ознаменовался 3-й съезд Коминтерна, не сгладил, а углубил разногласия в верхах коммунистической партии и дальнейшая, более обостренная борьба здесь неизбежна.

Троцкий несомненно жаждет разыграть роль Наполеона I, и все действия его напоминают классические примеры из жизни французского императора. Он несколько заискивает перед высшим

прежним командным составом, а вместе с тем выдвигает на высокие посты лиц весьма одаренных из неизвестности. Я слышал самые восторженные отзывы о нем со стороны крупных военнo-начальствующих лиц, которые готовы были за него, в полном смысле слова, в огонь и в воду. Офицеры красного Генерального штаба говорили мне, что их поражает, с какой проникновенной легкостью усваивает он труднейшие для понимания глубоко штатских людей вопросы полевой тактики и стратегии. Он прекрасно разбирается в них и сам часто дает советы, которые по своей оригинальности и практической целесообразности всех удивляют. Он сразу же постиг одно из необходимейших условий для военных успехов: дисциплину, и действительно, несмотря на ряд невероятных затруднений, создал ее в Красной армии. Троцкий, как я отметил, любит красивый жест. Так, например, он состоит слушателем Красной академии Генерального штаба, одевается в военную форму, любит принимать парады, объезжая иногда со своей правой рукой т. Мураловым, начальником Московского гарнизона, накануне парада его месторасположение и лично наперед устанавливая все детали церемонии для наибольшей ее эффектности. Поезд его великолепен и оборудован с большой роскошью. С его легкой руки другие советские *dii minores*² стали обставлять свои выезды с таким же азиатским великолепием, как и Троцкий. В путешествиях его сопровождает походная типография, которая тут же на ходу печатает и выпускает надлежащие приказы и распоряжения. Троцкий произносит речи войскам в духе наполеоновских. Еврейство, из которого он происходит, ему безразлично. Он неоднократно подчеркивал свою интернациональность, когда к нему обращались представители евреев с просьбой облегчить их тяжелое в Советской России положение.

В Ленине и Троцком современная Россия имеет, бесспорно, выдающихся руководителей. Оценка их как деятелей среднего масштаба, в общем не особенно далеких, но больших интриганов, которая иногда делается в заграничной русской и иностранной прессе, — безусловно не верна. Несомненно, они талантливые люди большого ума и выдающейся воли. Главная их ошибка — это непомерная жажда власти. Власть эту они не получили бы при других условиях. Достигнув власти насильем, посредством Октябрьского переворота, они хотят ее удержать во что бы то ни стало. Ленин, изверившись в возможности мировой революции, старается со-

хранить власть в своих руках ценой великих уступок, хотя бы даже с доведением коммунизма до абсурда.

Троцкий, напротив того, считает, что политика уступок ни к чему путному не приведет и вызовет лишь разногласия в коммунистической партии, расшатав ее фундамент. Отлично понимая, что на мировое восстание рабочих по их собственной инициативе почти нет никаких надежд, он хочет вызвать революцию снаружи: с оружием в руках пойти прививать Европе коммунизм с тем, чтобы таким путем и самому постепенно подняться до интернационального владычества.

<...>

